

М. А. Фельдман

К ВОПРОСУ О МАТЕРИАЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ РАБОЧИХ УРАЛА К 1914 г.

Важной характеристикой уровня развития общества являются материальные условия жизни людей, формы, способы и уровень удовлетворения их потребностей. Жизнедеятельность человека в быту — один из основных компонентов образа жизни в целом. Мы разделяем мнение сибирского историка В.И. Исаева о том, что в быту социальный контроль и регулирование жизни людей не выступают в такой жесткой и непосредственной форме, как в производственной и общественно-политической сферах, и это позволяет полнее разглядеть типичные черты образа жизни определенной социальной группы¹.

Вопрос о материально-бытовом положении рабочих цензовой промышленности Урала в 1914 г. трудно отнести к разряду изученных. Указания на низкие, уступающие общероссийским заработки, тяжелые жилищные условия, высокую смертность прочно заняли свое место в исторической литературе². Между тем объективные исследования по конкретным аспектам данной тематики не раз приводили ученых к парадоксальным на первый взгляд выводам. Так, Д.В. Гаврилов отметил, что жилищные условия уральских рабочих были несколько лучше, чем в других районах страны³. На неоднородность социального состава и положения рабочих в зависимости от ведомственной принадлежности обращал внимание В.В. Адамов⁴. Вместе с тем цельной картины материально-бытового положения рабочих Урала в преддверии Первой мировой войны в настоящее время нет.

Изучение данного вопроса следует начинать с того компонента, который в первую очередь определял доходы рабочих, то есть с заработной платы. Существует два полноценных и сопоставимых источника, несущих сведения о заработной плате рабочих горно-заводской и фабрично-заводской промышленности района: «Труды» XVIII и XX съездов горно-промышленников Урала, изданные соответственно в 1913 и 1915 гг. Первый источник дает картину заработков промышленных рабочих по отраслям и губерниям на 1911 г.⁵ Второй — состояние заработной платы на 1913 г. по всем отраслям уральской промышленности. Анализ статисти-

ческих данных, приведенных в «Трудах» съездов горнопромышленников, позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, правовым отличиям социальных групп уральского пролетариата, обусловленным различным ведомственным статусом, соответствовали заметные отличия в оплате труда. Так, среднегодовая зарплата рабочих на предприятиях, подведомственных фабрично-заводской инспекции, составляла 210 р.⁶ Иной была оплата труда на казенных заводах края: от 280 до 285 р. на Ижевском и Воткинском, до 321 р. на Златоустовском, 432 р. — на Мотовилихинском⁷. Даже на средних по уральским размерам казенных заводах Гороблагодатского округа этот показатель равнялся 267 р.⁸

Среднегодовая зарплата рабочих горной промышленности Урала в 1913 г. равнялась 175 р.⁹ Следовательно, зарплата рабочих казенных предприятий в 1,6—2,5 раза превышала оплату труда рабочих горной отрасли и в 1,4—2 раза — оплату на предприятиях, подведомственных фабрично-заводской инспекции, была существенно выше средней зарплаты в металлургической промышленности края (236 руб.)¹⁰. Во-вторых, зарплата рабочих в перерабатывающих отраслях была на 20–40% выше, чем в добывающих, и в 2—2,5 раза выше, чем на лесозаготовках¹¹. В-третьих, разница в размерах заработков рабочих высокой и низкой квалификации составляла 2,7—3,3 раза, о чем свидетельствуют материалы табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Размеры месячной зарплаты рабочих цензовой промышленности Урала в 1913 г. (в рублях)*

Металлисты			Бумажники			Печатники			Пищевики		
Квалификация			Квалификация			Квалификация			Квалификация		
низшая	средняя	высшая	низшая	средняя	высшая	низшая	средняя	высшая	низшая	средняя	высшая
14,9	20,8	45	15	39	50	15	—	40	18	30	49

* Данные таблицы по изд.: Рабочий журнал. 1923. № 2. С. 9.

В-четвертых, величина оплаты зависела значительно в большей степени от ведомственного характера, от технической и технологической новизны, чем от регионального, в данном случае губернского, аспекта. Характерно, что заработки рабочих в наиболее развитой в индустриальном отношении Пермской губернии не превосходили заработки пролетариев в Вятской, Уфимской и Оренбургской губерниях, а в легкой и пищевой отраслях даже уступали им¹².

Анализ статистических данных свидетельствует о повышенной норме оплаты труда в производствах, связанных с техническим прогрессом того

времени: на электростанциях (378 р.), в заводских железнодорожных цехах (339 р.), вагоносборочном (311 р.) и котельном производстве (411 р.)¹³ Именно здесь, как и на казенных предприятиях Урала, оплата труда не уступала среднему общероссийскому показателю (290,7 р.). Следует говорить об общем отставании средней зарплаты рабочих в цензовой промышленности Урала (256 р., или 88% от общероссийского показателя); в горной и горно-заводской — 260,5 р. (90%), в фабрично-заводской промышленности (80% от аналогичного российского показателя), на частных предприятиях металлообработки (более чем в 1,5 раза) и особенно в горно-добывающей (кроме каменноугольной) и лесной отраслях — в 1,7—2 раза¹⁴.

Анализ документов по отдельным горно-заводским округам подтверждает общероссийскую тенденцию разрыва в оплате рабочих по половозрастному признаку. Накануне Первой мировой войны заработки женщин-работниц (как и подростков обоих полов) почти в два раза отставали от заработков мужчин-рабочих. Так, в июне 1914 г. зарабатывали в день более одного рубля 59% мужчин-рабочих, но только 13,4% женщин-работниц¹⁵. О величине заработной платы можно судить, используя профессиональный срез рабочего страта. В первом квартале 1914 г. в металлургической промышленности Урала рабочие 11 профессий (29% от общего числа учтенных профессий) получали дневную зарплату в среднем свыше 1,5 р., 21 профессии (55%) — от 80 к. до 1,5 р., 6 профессий (16%) — менее 80 к. в день¹⁶. Условность такого деления очевидна в силу различий в численности работников каждой из учтенных профессий. Однако источник позволяет сделать важный вывод: заработок рабочих, связанных с тяжелым физическим трудом, простейшими техническими операциями, составлял менее 1 р. в день.

Более объективными представляются данные анкетного обследования в июне 1914 г. 48,4 тыс. рабочих 52 предприятий Урала. Согласно результатам обследования, 6,8% рабочих зарабатывали в день более 2 р., 11,3% — от 1,5 до 2 р.; 32,4% — от 1 до 1,5 р.; 49,5% — менее 1 р., в том числе 25,6% — менее 75 к.¹⁷ Средний дневной заработок рабочего цензовой промышленности Урала составлял по нашим расчетам (исходя из 250—260 рабочих дней в году) 0,98—1,02 р., или в среднем 1 р. Такой подсчет позволяет составить примерное представление о соотношении заработков всех рабочих цензовой промышленности. Кроме того, анализ системы оплаты свидетельствует, что большая часть рабочих малооплачиваемых профессий была связана с тяжелым физическим трудом.

О соотношении рабочих, занятых на сдельной и повременной оплате, можно судить по материалам отчетов казенных горно-заводских округов за 1913 г., из которых следует, что 64% рабочих оплачивались по сдельной, а 36% по повременной системе оплаты. Наши подсчеты по источни-

кам по оплате труда в 1913 г. на 14 казенных заводах позволяют сделать вывод: заработок рабочего-сдельщика в среднем в 1,5—2 раза превосходил оплату труда на повременной оплате. Так, средний заработок сдельщиков на Мотовилихинском заводе составил 1,93 р. в день, на Воткинском — 1,73 р., тогда как у повременщиков соответственно 0,9 и 0,99 р.¹⁸

С учетом того, что на сдельной работе были заняты, как правило, местные, потомственные рабочие, а на повременной преобладали пришлые¹⁹, можно сделать вывод об общих закономерностях в системе оплаты рабочих Урала. В рабочей среде края существовала наиболее оплачиваемая по меркам Урала и в то же время среднеоплачиваемая по российским характеристикам²⁰ категория рабочих, связанная с наиболее сложными технологическими операциями, сдельщиной, занятая на казенных заводах и крупных частных предприятиях, построенных в конце XIX—начале XX в. В эту категорию (18% всех рабочих цензовой промышленности Урала) входили приблизительно две трети рабочих основного производства казенных и небольшая часть квалифицированных рабочих частных предприятий; она комплектовалась, как правило, из местных жителей. Месячный заработок рабочих составлял 31,3—32,5 р. и выше, а годовой 375—390 р. и выше, т. е. примерно на треть выше среднего общероссийского показателя и в среднем в 1,5 раза выше общеуральского.

Среднеоплачиваемой категорией по уральским меркам, но достаточно низкооплачиваемой по российским выступали 32,5% рабочих цензовой промышленности — представители массовых профессий. Месячный заработок рабочих в этой социальной группе составлял от 20,8 до 32,5 р., а годовой — от 250 до 390 р.

Наконец, рабочие, связанные с тяжелым физическим трудом, простейшими техническими операциями, повременной оплатой труда, относились к низкооплачиваемой категории пролетариев (49,5% рабочих крупной промышленности Урала). Внутри этого страта находилась наиболее низкооплачиваемая группа рабочих (25,6%), формирующаяся в основном из «пришлых», чей месячный заработок составлял не более 16 р., а годовой — не превышал 195 р.

Для сравнения и учитывая в целом условия труда и уровень его оплаты, представляется возможным использовать в ретроспективном плане результаты переписи 1918 г. по Вятской губ. для характеристики экономически отличающихся слоев рабочего класса. Исходя из результатов переписи 1918 г., к 1914 г. численность первой категории (высокооплачиваемой) приблизительно равнялась одной трети, второй (среднеоплачиваемой) — более 40%, на долю третьей (низкооплачиваемой) приходилось около 25% всех рабочих цензовой промышленности Урала²¹. Сравнение позволяет признать достоверность границ низкооплачиваемой категории рабочих, указав на диапазон и динамику границ наиболее опла-

чиваемой и среднеоплачиваемой категорий рабочих в 1914—1918 гг. в Вятской губернии, где основным массивом цензовых рабочих выступали труженики казенных заводов (50% в 1913 г. и 63% в 1917 г.)²². Установленная нами градация рабочих по уровню оплаты позволяет отойти от традиционного положения о низких заработках всех уральских рабочих и показать глубокую дифференциацию в этой сфере внутри рабочих крупной промышленности края.

Важным компонентом материально-бытового положения является содержание и качество питания, от которого зависит физическое развитие, работоспособность и жизнедеятельность человека, производительность его труда. Вопрос о питании уральских рабочих получил неоднозначное освещение в трудах уральских историков. По мнению В.Ю. Крупянской, питание уральских рабочих было более упорядоченным, чем питание рабочих Центра и Петербурга, чему способствовали наличие подсобного хозяйства и сам уклад жизни рабочей семьи. Варка пищи была, как правило, ежедневной; рабочая семья питалась три-четыре раза в день. Аналогичное мнение высказала и Т.К. Гуськова²³. С этими оценками не согласился Д.В. Гаврилов, заметивший, что ни В.Ю. Крупянская, ни Т.К. Гуськова каких-либо количественных и качественных характеристик рационов питания рабочих не сообщают²⁴. Между тем в указанной статье В.Ю. Крупянской выводы сделаны на основе бюджетных обследований, относящихся к 1913 г.²⁵, что снимает вопрос о научной обоснованности суждения автора. Отмеченные выше бюджетные обследования проводились на основе материалов Нижнетагильского горно-заводского округа. Насколько же выводы В.Ю. Крупянской представительны для Урала в целом? Рассмотрим результаты обследования питания рабочих Екатеринбурга в 1913 г. Завтрак 60% рабочих составлял чай с молоком, хлебом и мясом. У 10% присутствовал горячий завтрак. Обед у 100% рабочих составляли мясные и молочные продукты. Ужин у 4% — хлеб и молоко, а у 96% — мясные или рыбные продукты, молочные изделия²⁶. В данном случае налицо подтверждение результатов нижнетагильского исследования. Мнение о постоянном присутствии горячей пищи в рационе уральских рабочих разделяет и Ю.И. Кирьянов²⁷, а тенденция к вытеснению в питании сухой пищей горячей обозначена в монографии Д.В. Гаврилова²⁸.

Рассмотрим данные, классифицирующие рабочих по уровню питания. В конце XIX в. к первой группе относились рабочие, получавшие в день от 1,2 р. до 1,5 р. Эти люди ежедневно ели мясо, употребляли в пищу сало, молоко. Ко второй группе причисляли рабочих, зарабатывающих в среднем 65—80 к. в день. Они несколько раз в неделю ели мясо. К третьей группе относились получавшие 35—40 к. в день. Мяса они почти никогда не ели, лишь по большим праздникам; молоко и сало

употребляли в малом количестве, питание их было однообразным и состояло в основном из картофеля, гороха, каш и хлеба²⁹. Классификация была характерна для конца XIX в., но, с учетом роста цен в 1900—1913 гг. на 23—24%³⁰, критерии трех перечисленных групп могут быть таковы: рабочие с заработком более 1,5 р. в день; от 80 к. до 1,5 р.; менее 80 к., т. е. близкими к рассмотренной нами градации системы оплаты труда в июне 1914 г. Следовательно, с известной долей приблизительно-сти, к первой группе могут быть отнесены 18%, ко второй — 32,5%. Что же касается третьей группы, по указанному критерию к ней относятся прежде всего пролетарии наиболее низкооплачиваемой категории, т. е. 25,6%. Предложенная градация может быть использована для классификации рабочих крупной промышленности Урала по уровню питания.

Конечно, подлинная картина питания уральских рабочих была более сложной и зависела от наличия или отсутствия земельных наделов, других факторов. Прослеживается отраслевой аспект: подавляющее большинство рабочих горно-рудной и соляной промышленности, лесозаготовок, предприятий по выработке шерсти и льна, кирпичных и винокуренных заводов, исходя из величины заработков, относилось к разряду неудовлетворительно питавшихся, чей рацион мало изменился с пореформенных времен. Получалось так, что рабочие, занятые на наиболее трудоемких работах, питались хуже, чем их товарищи по производству. Так, например, у чернорабочих Нижнетагильского горно-заводского округа $\frac{3}{4}$ расходов уходило на питание, в том числе 52,5% — на покупку хлеба³¹. Более разнообразный ассортимент продуктов и, что немаловажно, примерно на 10% дешевле рабочие могли приобрести в кооперативных магазинах. Однако членами кооперативов являлись в основном высокооплачиваемые рабочие³². Таким образом, анализ состояния питания рабочих Урала перед началом Первой мировой войны позволяет сделать вывод о наличии в рабочей среде трех достаточно различавшихся социальных групп, в том числе и устойчивого обширного анклава лиц, питавшихся ниже физиологических потребностей. Линия раскола была заметна, несмотря на то, что питание рабочих на Урале было связано не со столовыми и трактирами, а проходило в семье либо в артели³³.

В значительной степени питание уральских рабочих зависело от наличия у семьи собственного земельного надела. Что же представляли собой личные хозяйства уральских рабочих? На наш взгляд, исследование Н.Н. Алеврас переводит давний спор историков о масштабах землепользования рабочих Урала в чисто историографическую плоскость³⁴. Доказательства в пользу того, что большинство уральских рабочих владели земельными участками, размеры которых за 1861—1917 гг. не сократились, а выросли, убедительны и не требуют новых подтверждений. Вместе с тем остается ряд малоизученных вопросов, и прежде всего роль

личного хозяйства не только в бюджетах, но и в формировании социального облика рабочих Урала в целом.

Неправомерность распространения данных о землепользовании всего горно-заводского населения на рабочих с историко-правовой точки зрения не вызывает сомнения. Проблема заключается в том, что дореволюционная статистика 1900—1914 гг. чаще всего оперирует данными о величине земельных наделов горно-заводского населения, что затрудняет возможность выделить в отдельную категорию землепользование рабочих. Можно говорить об определенной близости двух названных понятий — горно-заводского населения и рабочих, во-первых, в заводских поселках передовых в техническом отношении предприятий³⁵. Во-вторых, в силу сохранения, хотя и в меньших масштабах, гулевых дней и очередности заводских работ в последние предвоенные годы³⁶, скрывавших подлинные размеры занятости. В-третьих, постольку, поскольку часть пролетариев, не нашедшая рабочих мест на заводской и рудничной работах, устраивалась на вспомогательном производстве. В-четвертых, оговорившись, что речь идет о поселениях действующих предприятий.

Ф.С. Горовой ввел в научный оборот данные, из которых следовало, что земельные наделы горно-заводского населения за 1861—1917 гг. увеличились в казенных округах Урала в 2,5 раза, в посессионных округах в 2, в частновладельческих — в 5 раз и составили соответственно 4,5; 4; 2,3 дес. земли³⁷. Дальнейшие исследования позволили скорректировать и уточнить эти цифры. Так, Л.А. Трефилова отметила, что динамика роста земельных наделов в 1861—1917 гг. окажется иной, если сравнивать не участки, полученные по уставным грамотам, а площади, которыми фактически пользовались рабочие Урала. В этом случае рост душевых наделов составил меньшую величину: по посессионным округам — в 1,2, в казенных — в 1,6 раза³⁸. Заметим, что данные по частновладельческим округам требуют дальнейшего уточнения, так как именно здесь ни к 1914 г., ни к 1917 г. не завершился процесс землеустройства, и исследователи, по признанию Н.Н. Алеврас, располагают лишь приблизительными сведениями о землепользовании населения³⁹.

По оценке специалистов, надел, способный более или менее обеспечить существование хозяйства, должен был составлять как минимум 4 десятины. В 1897 г. надел более 4 десятин имели (в фактическом пользовании) 13% бывших горно-заводских мастеровых и 22% бывших сельских работников⁴⁰. Если брать средние показатели, ситуация мало изменилась к 1914 г., тем более что под расширение наделов чаще всего выделялись площади, не приспособленные для земледелия, и для превращения «росчистей» в земли, пригодные для полевых работ, требовалось несколько лет⁴¹.

Селективный патернализм государственной политики привел к тому, что часть горно-заводского населения, перебившая место поселения, оказалась лишенной земельных наделов. К категории пришедших в начале XX в. относились, по мнению А.В. Погожева, 28% рабочих⁴². В.В. Адамов считал эту цифру завышенной, обратив внимание на то, что к категории пришедших относили и переселенцев с завода на завод, в пределах одного округа. По данным В.В. Адамова, в 1904 г. (более поздние обобщенные данные отсутствуют) пришедшие рабочие составляли на казенных заводах 23%, на частновладельческих — 12,6% и на посессионных — 8%⁴³. Соглашаясь с неоднородностью самого понятия «пришедшие», обратим тем не менее внимание на совпадение данных А.В. Погожева (28%) и удельного веса горно-заводского населения, не имеющего земельных наделов или владеющего участками менее 0,5 дес., — 28,7%⁴⁴, что в этом случае, как нам представляется, говорит в пользу доводов А.В. Погожева. Ценность данных В.В. Адамова в другом: по ним можно ориентироваться о глубине распространения капиталистического рынка труда в зависимости от ведомственной принадлежности горно-заводского округа.

Что же касается рабочих, имеющих земельные наделы, то в 1914 г. процесс землеустройства в основном завершился только в казенных посессионных округах, где земельные наделы получили 95—96% жителей, а владенные грамоты — соответственно 85% и 30—40%. В частновладельческих округах к 1917 г. было отграничено 60% земель наделного фонда, а выдача владенных грамот только начиналась⁴⁵. В результате в среде рабочих цензовой промышленности Урала к 1917 г. сформировались три достаточно различные группы: юридические собственники земли — 20—25% рабочих (более 42 тыс. рабочих казенных округов и 15—20 тыс. посессионных округов)⁴⁶. Категория рабочих, владеющих земельными наделами, но так и не ставших полноправными собственниками: основная масса тружеников частновладельческих и примерно 31—36 тыс. рабочих посессионных округов, всего 46—51% рабочих цензовой промышленности Урала. Третьей группой являлись лица, не владеющие земельными наделами либо имевшие участки менее 0,5 дес. земли. К этой категории относились 28—29% всех рабочих, в основном занятых в частновладельческих округах, из числа пришедших.

Расширять земельные участки рабочих Урала правительство взялось не из альтруистических соображений, а в силу необходимости ослабить остроту социальных противоречий⁴⁷. Правительственный курс фиксировал такую направленность прежде всего по отношению к закрытым предприятиям. Отсюда рост земельных наделов был характерен в первую очередь для районов расположения закрытых предприятий Урала. По нашим подсчетам, в казенных округах на действующих предприятиях земельный надел на наличную душу составлял 3,8, на бездействующих

— 5,4, в сельской местности — 6,6 дес. В посессионных округах эти показатели соответственно составляли 3,3; 5,9; 7,4 дес. земли. Таким образом, в заводских поселках на действующих предприятиях земельный надел был меньше, чем на бездействующих, в 1,4 раза в казенных и в 1,8 раза в посессионных округах. Наделы рабочих, проживающих в городах и поселках, были в 1,7—2,2 раза меньше, чем у рабочих, живущих в сельской местности⁴⁸.

Какова же была структура личного хозяйства рабочих Урала? Наиболее масштабные данные на этот счет дают материалы, введенные в научный оборот С.П.Сиговым. В 1897 г. у бывших горно-заводских мастеровых пашня от величины земельного участка составляла 17%, покос — 54%, лесной надел — 14%, выгон — около 10%. У бывших сельских работников эти показатели соответственно составили 53, 30, 6 и 6%⁴⁹. Анализ статистических материалов свидетельствует: при росте земельных наделов, по крайней мере в посессионных и казенных округах, характерна общая тенденция для всех округов: сокращение удельного веса пашни. В предвоенные годы удельный вес пашни составлял 13% в поселках частновладельческих округов и 10% у рабочих посессионных округов⁵⁰. У рабочих Ижевского казенного завода к 1914 г. пашня составляла 3,8%, покос — 35,1%, лесные угодья — 42,1% от величины земельного надела. У рабочих Воткинского соответственно 6,8; 19,7; 58,8%⁵¹. Как видно, у рабочих наиболее передовых заводов Урала (казенных) удельный вес пашни относительно всего земельного надела был меньше, чем у рабочих посессионных и частновладельческих округов.

О масштабах распространения пашни в личной собственности рабочих Урала можно судить по следующим данным. В 1897 г. пахотные угодья имели 36% бывших горно-заводских мастеровых, в 1912 г. (данные по горно-заводскому населению посессионных заводов) этот показатель равнялся 43%⁵², а в 1916 г. — 45%⁵³. Казалось бы, тенденция к росту пашни налицо. Однако надо учитывать небольшие размеры пашни: 0,3 дес. пашни у бывших горно-заводских мастеровых в 1897 г. и 0,5 дес. в 1913 г.⁵⁴ Кроме того, рост пашни был характерен прежде всего для рабочих закрытых предприятий. Добавим, что низкое плодородие местных земель обуславливало малую эффективность пахотных угодий. В силу этих причин хозяйства рабочих Урала имели потребительский огородно-животноводческий характер. Средний доход от собственного хозяйства составлял у рабочих посессионных округов примерно 60 р. при общем бюджете 290 р. или 20,7%⁵⁵; 42—75 р. в год (или 15—27%) среднегодового заработка рабочих Ижевского и Воткинского заводов (280 р.)⁵⁶ Таким образом, подсобное хозяйство, не являясь самостоятельным источником существования, служило заметной добавкой к главному источнику суще-

ствования — заводскому заработку. Такой вывод характерен для большинства уральских рабочих из числа «местных».

Другое дело, что положение о том, что «наличие подсобного хозяйства до известной степени ставило рабочих в мелкобуржуазные условия существования»⁵⁷, следует отнести к разряду суждений, порожденных идеологическими канонами своего времени. С экономической стороны личное хозяйство до некоторой степени суживало разрыв в оплате труда пролетариев Урала и Центра, способствовало закреплению рабочих в крае с суровым климатом.

Отсутствие общеуральских обследований состояния жилищ рабочих края в 1913—1914 гг. заставляет использовать по данному вопросу как материалы по отдельным заводам, так и в ретроспективном плане результаты переписей 1918 и 1926 гг. Наиболее полно представлены данные по казенным горно-заводским округам. Обследование, проведенное летом 1914 г., вызывает особый интерес, так как представляет собой опубликованное обобщение санитарного и частично жилищного состояния всех казенных предприятий Урала⁵⁸.

Главный вывод обследования по жилищному вопросу заключался в следующем: рабочие казенных заводов в своей массе жили в собственных домах, вследствие чего заводские помещения в поселках отсутствовали⁵⁹. Данные по конкретным заводам уточняют эту картину. На Ижевском и Воткинском заводах собственные дома имели все коренные рабочие (80% состава трудовых коллективов) накануне Первой мировой войны⁶⁰. Остальные рабочие снимали комнаты у жителей из коренного населения. Средняя площадь дома рабочего в Ижевске равнялась 35,2 м². Близки к этому были размеры домов воткинских рабочих. За средними цифрами скрывалась разнообразие качества жилой площади различных категорий уральских рабочих. Квалифицированные рабочие владели большими одно-двухэтажными домами, с кирпичным фундаментами, с верандами, фруктовым садом на дворе, колодцем и баней. Число таких рабочих составляло примерно $\frac{1}{3}$ трудового коллектива Ижевского завода, но $\frac{2}{3}$ состава пролетариев, занятых в головных цехах. В то же время $\frac{2}{3}$ рабочих Ижевска и Воткинска проживали в небольших домиках с одним-двумя окнами⁶¹.

О жилищном положении рабочих горной промышленности можно судить на примере Бакальского рудника, одного из крупнейших на Урале. Здесь две трети рабочих проживали в казармах, одна треть — в заводских домиках, общей проблемой здесь была скученность проживающих. Обследование 1914 г. показало, что большинство проживало в заводских казармах, где на одного жильца приходилось 0,8 дес. кв. саженей, или половина нормы. Отсутствовали помещения для просушки одежды, не

было кухонь; наличие одной печи на казарму не позволяло нагреть помещение⁶².

Сложным жилищным положением отличался быт рабочих предприятий, подотчетных фабричной инспекции. По данным обследования в Вятской губернии в начале XX в. 40% рабочих этой категории жили в заводских казармах, 10% ночевали непосредственно в цехах⁶³. Иным было положение с жильем у горно-заводских рабочих. Рассмотрим данные, введенные в научный оборот Д.В. Гавриловым. К 1914 г., отмечает Д.В. Гаврилов, около 60% всех горно-заводских и фабрично-заводских рабочих Урала проживали в собственных домах⁶⁴. Этот показатель подтверждается и архивным материалом, например, выборочным общекурортским обследованием, относящимся к 1913 г.⁶⁵ В поселках старых уральских заводов в собственных домах приживали 60–75% рабочих, а в населенных пунктах, где предприятия были построены в конце XIX – начале XX в., 20–40%. Всего по Уралу в собственных домах жили 60,4% металлургов, 58,9% фабрично-заводских рабочих, 44,8% горнорабочих, но не многим более 10% куренных рабочих⁶⁶. Следовательно, наиболее обездоленной категорией выступали рабочие лесной промышленности, подавляющая часть которых проживала в землянках и временках⁶⁷. Анализ состояния дел в жилищной сфере рабочих цензовой индустрии позволяет сделать вывод о том, что деление рабочего социума на ряд отличных друг от друга категорий есть черта, характерная для всего уральского экономического района.

К 1914 г. среди рабочих Урала можно выделить следующие категории: во-первых, владельцы собственных домов, размеры и благоустройство которых отвечали установленным санитарным нормам; во-вторых, владельцы небольших, частично ветхих домов; квартироремесленники; в-третьих, «чистые пролетарии» — жители казарм, бараков, принадлежащих заводам. Точные параметры можно проследить по последней категории: 40% рабочих цензовой промышленности Урала к 1914 г. оставались людьми, не имеющими собственного жилья, живущими в условиях скученности. Что касается первой категории, то, отталкиваясь от данных по Ижевску и Воткинску, можно сделать вывод о наличии у трети рабочих казенных заводов жилья, отвечающего санитарным нормам того времени, но лишенных городских коммунальных удобств. Основная масса местных рабочих, имеющих собственные дома, проживала в срубных избах на невысоком подклете, с примыкающим к ним крытым одноэтажным двором. Трехраздельные дома — два сруба и сени посередине — имели, как правило, высокооплачиваемые рабочие⁶⁸, удельный вес которых был невелик и по России, и по Уралу. Резюмируя, отметим: жилищно-бытовые условия уральских рабочих были более благоприятными, чем по России в

целом, что не скрывало глубокой дифференциации внутри регионального отряда рабочих крупной промышленности.

Исследование состояния санитарно-гигиенических условий и медицинского обслуживания рабочих позволяет предположить, что практически все виды работ в горно-заводской и фабрично-заводской промышленности велись в неблагоприятных условиях для здоровья людей: резкие перепады температур; воздух, наполненный угольной и металлургической пылью; ядовитые газы и т. д. Наиболее опасными для здоровья и жизни рабочих были предприятия металлообработки, т. е. работы с высокой степенью интенсивности. Так, четверть рабочих Мотовилихинского завода имела травматические повреждения. Число несчастных случаев среди рабочих казенных горно-заводских округов Урала заметно превышало аналогичный показатель по всем горно-заводским рабочим России: соответственно 243 на 1000 рабочих за год и 171,8. Как видно, приведенный пример Мотовилихи был типичен: каждый четвертый рабочий казенных округов в течение года получал травму. Показатель травматизма рабочих казенных округов Урала, т. е. наиболее индустриально развитых, более благополучных по условиям труда и быта в регионе, в 1913 г. на 41% превосходил общероссийский показатель⁶⁹.

Значительное количество несчастных случаев, причем большинство со смертельным исходом, имело место и в частновладельческих округах, прежде всего в добывающей промышленности. Закономерно, что в подобных условиях в 1911—1914 гг. в среднем за год каждый рабочий болел 2—3 раза; преобладали такие болезни, как анемия, изнурение, заболевание сердца и легких⁷⁰. Негуманный характер индустриализации проявился в том, что наиболее развитая в промышленном отношении уральская губерния — Пермская — занимала первое место в России по такому показателю, как средняя смертность⁷¹.

Вместе с тем если все работы на заводах Урала велись в неблагоприятных санитарно-гигиенических условиях, то обеспечение рабочих медицинской помощью во многом зависело от ведомственной принадлежности и величины производственного объекта. Расход на медицинское обслуживание одного рабочего на казенных предприятиях в 1913 г. на $\frac{1}{3}$ превышал средний общеуральский показатель для рабочих ценовой промышленности, и на 42% средний общероссийский⁷². Характерно, что если средний расход на медицинское обслуживание одного рабочего казенных округов вырос с 5,4 р. в 1907 г. до 8,8 р. в 1913 г., то на крупных Мотовилихинском и Воткинском этот показатель превышал 12 р. при норме расходов на эти цели 10 р. Как показывают подсчеты, даже в казенных округах расходы на медицинское обслуживание в среднем составляли 88% от нормы, а в остальных округах — менее 63,5%. Аналогичная тенденция просматривается и в наличии больничных коек в заво-

дских госпиталях: выше нормы (1 больничная койка на 100 рабочих) — на крупных казенных заводах, ниже (1 койка на 114 рабочих) — на казенных заводах в среднем, еще ниже — на предприятиях остальных округов⁷³. Только в казенных горно-заводских округах бесплатная медицинская помощь оказывалась и постоянным, и временным рабочим. В частновладельческих округах больницы, отвечающие требованиям заводской медицины, существовали только на ряде крупных предприятий (например, на Верх-Исетском, Нижнетагильском заводах). На остальных предприятиях существовали, как правило, фельдшерские пункты, а приисковые, лесные и куренные рабочие были фактически лишены медицинской помощи⁷⁴.

В тесной связи с условиями труда продолжительность рабочего дня является одним из основных показателей положения рабочих. Материалы за 1913 г., касающиеся всей промышленности России, обработаны и опубликованы⁷⁵. За 1904—1913 гг. средняя продолжительность рабочего дня у рабочих фабрично-заводской промышленности сократилась с 10,6 до 9,9 часа, в том числе у мужчин до 10 часов, у женщин и подростков — до 9,7, у малолетних до 7,7 часа. Характерно, что 7,9% рабочих предприятий, подведомственных фабричной инспекции, трудились по 8 часов; 36,5% — 9 и менее часов; 61,1% — более 9 часов, в том числе 15,5% более 11 часов. На предприятиях, подведомственных горной инспекции, 15% рабочих трудились по 8 часов, 20% — 9 и менее; 80% — 9 и более часов, в том числе 14% — 11 и более часов⁷⁶.

Близкими к этим цифрам были и показатели рабочего времени на предприятиях фабрично-заводской промышленности Урала. На Урале в 1913 г. в горячих цехах большинства горно-заводских предприятий действовал 8-часовой, в остальных — 10-часовой рабочий день. 10-часовой рабочий день преобладал и в горно-добывающей промышленности⁷⁷. Исходя из соотношения численности уральских рабочих в указанных видах производства, нами подсчитано, что продолжительность рабочего дня в горно-заводской промышленности Урала с начала XX в. до 1913 г. сократилась в среднем с 10, 5 до 9,3—9,5 часов. Обратим внимание на наличие среди горно-заводских рабочих края двух примерно равных полярных групп: кадровых пролетариев из основных цехов, перешедших на восьмичасовой рабочий день, и тружеников вспомогательных профессий, вынужденных трудиться по 10 и более часов.

Спецификой Урала оставалось более короткое, чем в России в целом, число рабочих дней на предприятиях ценовой промышленности: 250—260 при 290—294 днях в наиболее развитых промышленных регионах⁷⁸. К последним были близки показатели на предприятиях Урала, подведомственных фабричной инспекции (287—291 день); обработки металлов, прежде всего на казенных оружейных заводах, — 293 дня. Либо непре-

рывно, либо за вычетом воскресных дней работали горячие цеха технически передовых заводов Урала. Вместе с тем на устарелых в техническом отношении заводах сохранилась такая традиция, как закрытие предприятия на весь полевой сезон. Даже на казенных небольших заводах, не имевших постоянных заказов (Серебрянском и Артинском), число рабочих дней в году не превышало 157⁷⁹.

В меньших размерах, чем в начале XX в., сохранялось и такое явление, порожденное избытком рабочей силы, как «гулевые дни». Число гулевых дней наиболее сократилось на казенных заводах, получивших в 1900—1913 гг. крупные военные заказы, и составляло, например, на Мотовилихинском оружейном заводе не более 12% от объема рабочего времени⁸⁰. Что же касается труда на лесозаготовках, здесь сохранилась сезонность работ, и рабочий год (за исключением печей углежжения) составлял 66—120 дней⁸¹. Таким образом, только трудовой год пролетариев крупных заводов и предприятий казенной заводской промышленности Урала соответствовал распорядку работы и отдыха категории рабочих индустриального общества.

Анализ материально-бытового положения рабочих Урала в 1913—1914 гг. предполагает использование материалов бюджетных обследований. Однако, как уже отмечалось Э.Э. Крузе, литература по бюджетным обследованиям малочисленна и отражает далеко не все отряды рабочего класса. Характерно, что сколько-нибудь масштабные обследования рабочих бюджетов были проведены в 1908 г. в столице, в 1909 г. в Москве, Баку, Киеве⁸². Как видно, интересующий нас период 1913—1914 гг. лишен бюджетных обследований как на российском, так и на уральском материале. Все это заставляет нас обращаться к данным бюджетных обследований по отдельным заводам, немногочисленным и носящим фрагментарный характер; расчетным показателям бюджетов.

Рассмотрим расчетную стоимость прожиточного минимума рабочей семьи в 1913 г. на Урале. В 1913 г. стоимость прожиточного минимума рабочей семьи равнялась 299,5—322,2 р.⁸³ Среднегодовой заработок рабочего крупной промышленности Урала, как уже отмечалось, в 1913 г. составлял 256 р. Однако эта величина не раскрывает диапазон оплаты рабочих промышленности региона. Очевидно, что по крайней мере половина рабочих крупной промышленности края получала заработную плату ниже стоимости прожиточного минимума. Заметим, что у владельцев личных хозяйств разница доходов и расходов в определенной степени покрывалась за счет собственных продуктов. Рабочие, лишенные личных хозяйств, получающие зарплату менее 300 р. в год и не имеющие работающих членов семьи, могли найти выход только за счет ограничения потребностей, прежде всего в питании и одежде.

У рабочих, чей заработок превышал размеры стоимости прожиточного минимума, существовала иная структура потребностей, о чем говорит, например, анализ расходного бюджета рабочих Воткинского завода. Бюджет рабочей семьи определялся в 507 р., из которых на одежду уходило 150 р., или около 30%; на питание 240 р. (47%); на квартиру, отопление, освещение расходы соответственно составляли 60, 45, 12 р., а в сумме 117 р., или 23% бюджета⁸⁴. Даже без учета того, что у 80% рабочих Воткинского завода имелось собственное жилье и расходы по этой графе были существенно меньшими, обратим внимание на то, что статья расходов на одежду у рабочих Воткинского завода в 2,5 раза превосходила аналогичный показатель у рабочих Петербурга в относительном выражении и в 1,5 раза — в абсолютном⁸⁵.

Сносный заработок и наличие собственного хозяйства определили отличия в одежде и в быту квалифицированных рабочих крупных предприятий от остальной массы пролетариев края. Мы разделяем точку зрения исследователей о том, что, благодаря успехам развития капиталистических отношений на Урале в предвоенное десятилетие, стали заметнее различия в одежде и быту внутри рабочего социума⁸⁶. Среди горно-заводского населения индустриальные рабочие казенных предприятий, крупных заводов частновладельческих округов, владевшие земельными участками, выделялись костюмом и домашней обстановкой, постепенно сближавшимися с одеждой и домашним убранством городского населения из числа интеллигенции и служащих. У рабочих средних и небольших предприятий частновладельческих и посессионных округов изменения в одежде были заметны в основном среди заводской молодежи. Следует отметить характерную для рабочего быта черту — бережливость в одежде, особенно праздничной, срок службы которой был поразительно долгим. Среди низкооплачиваемых рабочих в ходу была покупка подержанной одежды. Что же касается значительной части рабочих горно-заводской и лесной промышленности, проживающих вдалеке от городов и заводских поселков, получавших заработки ниже границ прожиточного минимума, — эта категория пролетариев, состоящая нередко из «пришлых», вынуждена была сохранять одежду, скудное имущество по образцу быта крестьянской бедноты⁸⁷.

¹ См.: *Исаев В.И.* Быт рабочих Сибири, 1926–1937 гг. Новосибирск, 1987. С. 6.

² См., например: *Рябухин Е.И.* Большевистские организации Урала в борьбе за нелегальную партию пролетариата и упрочение ее связи с массами (1907–1914). Ч. 1. Саратов, 1968. С. 249–251; 265–267.

³ См.: *Гаврилов Д.В.* Рабочий класс Урала в период домонополистического капитализма. М., 1985. С. 291.

- ⁴ См.: *Адамов В.В.* Рабочие Урала накануне Октябрьской революции // Пролетариат России на пути к Октябрю 1917 г. (облик, борьба, гегемония). Одесса, 1967. С. 162—163.
- ⁵ См.: Труды XVIII съезда горнопромышленников Урала. СПб., 1913. С. 113.
- ⁶ Труды XX съезда горнопромышленников Урала. СПб., 1915. С. 286—291. А.П.Таняев считал, что приведенные данные характеризуют среднюю зарплату за 1911—1913 гг. (Рабочий класс Урала в годы войны и революций. Т. 1. Свердловск, 1927. С. 115.) Сопоставление характеристик зарплат, приводимых в «Трудах XVIII съезда горнопромышленников» за 1912 г. и в «Трудах XX съезда», с другими источниками позволяет сделать вывод: в «Трудах XX съезда» указана величина зарплат рабочих за 1913 г.
- ⁷ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. Д. 1031. Л. 23об, 29об, 31об, 59; *Дмитриев П.Н.* Динамика численности рабочих Ижевского и Воткинского заводов // Проблемы истории СССР. Вып. 7. М., 1978. С. 24.
- ⁸ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. Д. 1031. Л. 41.
- ⁹ См.: Труды XX съезда горнопромышленников. С. 286—291.
- ¹⁰ См.: Труды XX съезда горнопромышленников С. 286—291; Рабочий класс Урала в годы войны и революций. Т. 1. С. 115.
- ¹¹ См.: Труды XX съезда горнопромышленников. С. 286—291; Рабочий класс Урала в годы войны и революций. С. 115; *Семенов К.С.* Лесное хозяйство Урала. Свердловск, 1925. С. 50—51.
- ¹² См.: Труды XVIII съезда горнопромышленников. С. 113.
- ¹³ См.: Труды XX съезда горнопромышленников. С. 286—287.
- ¹⁴ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1608. Л. 72—73 об.; *Кириянов Ю.И.* Жизненный уровень рабочих России, М., 1979. С. 104; Положение труда на Урале в 1923 г. Свердловск, 1924. С. 31; *Сигов С.П.* Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, 1936. С. 224.
- ¹⁵ Подсч. по: Зарботки фабрично-заводских рабочих России (июнь 1914—июнь 1916 г.) Вып. 1. М. 1918. С. XI.
- ¹⁶ Подсч. по: *Литауэр Я.Л.* О средних заработных платах и расценках в горной и горнозаводской промышленности Урала. Екатеринбург, 1917. С. 6—29. Данные за I квартал 1914 г.
- ¹⁷ Подсч. по: *Рябухин Е.И.* Указ. соч. С. 252—253.
- ¹⁸ Подсч. по: ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1572. Л. 36об—93об. Данные по 14 казенным заводам.
- ¹⁹ См.: Там же.
- ²⁰ См.: Зарботки фабрично-заводских рабочих России (июнь 1914—июнь 1916 гг.). С. XI; 20—21.
- ²¹ См.: *Дробизhev В.З., Соколов А.К., Устинов В.А.* Рабочий класс Советской России в первые годы пролетарской диктатуры: (Опыт структурного анализа по материалам профессиональной переписи 1918 г.). М., 1975. С. 202.
- ²² См.: *Мусихин В.Е.* Динамика численности и состава рабочих Вятской губернии в годы Первой мировой войны. (1914—1917 гг.) // Рабочие Урала в период капитализма (1861—1917 гг.) Свердловск, 1985. С. 41—42.

- ²³ См.: *Крупянская В.Ю.* Эволюция семейно-бытового уклада рабочих // Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. М., 1970. С. 280; *Гуськова Т.К.* Облик рабочих Урала // Там же. С. 300.
- ²⁴ См.: *Гаврилов Д.В.* К вопросу о питании уральских рабочих в период домонополистического капитализма (1861—1900) // Положение и борьба рабочих Урала в период капитализма. Свердловск, 1989. С. 92.
- ²⁵ См.: *Крупянская В.Ю.* Эволюция семейно-бытового уклада рабочих. С. 280.
- ²⁶ См.: ГАСО. Ф. 95р. Оп. 1. Д. 1115. Л. 8 об.
- ²⁷ См.: *Кириянов Ю.И.* Жизненный уровень рабочих России. С. 166.
- ²⁸ См.: *Гаврилов Д.В.* К вопросу о питании уральских рабочих в период домонополистического капитализма (1861—1900). С. 264.
- ²⁹ См.: Там же. С. 93.
- ³⁰ Подсч. по: *Кохи М.П.* Русские индексы цен. М. 1926. С. 9. О близости роста цен в России и на Урале свидетельствует анализ Адрес-календаря и Справочной книжки Пермской губернии на 1911 г. С. 154; аналогичного издания на 1915. С. 54; архивных материалов: ГАО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 578. Л. 13–14.
- ³¹ См. например: Рабочий класс Урала в годы войны и революции. Т.1. С.119; *Селиванова Г.И.* К вопросу о определении прожиточного минимума уральских рабочих в начале XX в. // Первые Татищевские чтения. Екатеринбург, 1997. С. 82–84.
- ³² См.: *Балдин К.Е.* Рабочее кооперативное движение в России во второй половине XIX – начале XX века: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Ярославль, 1994. С. 30, 36, 38; Мотовилихинский центральный рабочий кооператив «Самопомощь»: Обзор деятельности кооператива за время с 1 октября 1924 по 1 октября 1925 г. Пермь, 1926. С. 4–5.
- ³³ См.: *Крупянская В.Ю.* Эволюция семейно-бытового уклада рабочих. С. 280.
- ³⁴ См.: *Алеврас Н.Н.* Аграрная политика правительства на горнозаводском Урале в начале XX в. Челябинск, 1996.
- ³⁵ Для примера назовем поселок Мотовилиху, где две трети мужского населения были связаны с заводскими работами (см.: Горный журнал, 1916. № 4–5. С. 92). В Ижевском и Воткинском поселках этот показатель составлял 80% – см.: *Дмитриев П.Н.* Динамика численности рабочих Ижевского и Воткинского заводов. С. 236.
- ³⁶ РГИА. Ф. 48. Оп. 1. Д. 37. Л. 149; Труды XIX съезда горнопромышленников Урала. СПб., 1914. С. 193.
- ³⁷ *Горовой Ф.С.* Влияние реформ 1861 г. на формирование рабочего класса на Урале // Из истории рабочего класса Урала. Сб. статей. Пермь, 1961. С. 161–162.
- ³⁸ *Трефилова Л.А.* Советские историки о связи горнозаводских рабочих Урала с землей в 1861–1917 гг. // Рабочий класс и промышленность Урала в XVIII – начале XX вв. Свердловск, 1985. С. 77.
- ³⁹ *Алеврас Н.Н.* Аграрная политика правительства на горнозаводском Урале в начале XX в. С. 200.
- ⁴⁰ См.: *Сигов В.П.* Некоторые данные для характеристики землевладельческого хозяйства горнозаводского населения Урала // Наемный труд в сельском хозяйстве Урала. Свердловск, 1926. С. 176.

- ⁴¹ *Степанов П.* Наделение земель горнозаводского населения на Урале // Труды студентов эконом. отд. Петербургского политех. ин-та. СПб., 1914. С. 62–63.
- ⁴² *Погожев А.В.* Учет численности и состава рабочих в России. Материалы по статистике труда. СПб., 1906. С. 95.
- ⁴³ *Адамов В.В.* Социально-экономическое развитие Урала накануне революции 1905–1907 гг. // Большевики Урала в революции 1905–1907 гг. Свердловск, 1956. С. 14.
- ⁴⁴ *Сигов С.П.* Некоторые данные для характеристики землевладельческого хозяйства горнозаводского населения Урала. С. 175.
- ⁴⁵ *Алеврас Н.Н.* Указ. соч. С. 194–97, 201.
- ⁴⁶ Таким образом, 85% от 50 тыс. рабочих казенных округов (т. е. 42,5 тыс.) и 30–40% от 51,8 тыс. рабочих посессионных округов, (т. е. 15,5–20,7 тыс.) или 58–63,2 тыс. человек. – См.: *Трефилова Л.А.* Экономическое положение и борьба посессионных заводов Пермской губернии в 1861–1917 гг. // Исследования по истории Урала. Вып. 1. Пермь, 1970. С. 162.
- ⁴⁷ См.: *Алеврас Н.Н.* Указ. соч. С. 208–209
- ⁴⁸ Подсч. по: *Быстрых Ф.П.* О землепользовании горнозаводского населения на Урале в конце XIX и начале XX в. // Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале. Свердловск, 1963. С. 99–101.
- ⁴⁹ См.: *Сигов С.П.* Указ. соч.. С. 175.
- ⁵⁰ См.: *Быстрых Ф.П.* Большевистские организации в революции 1905–1907 гг. Свердловск, 1959. С. 26.
- ⁵¹ См.: *Дмитриев Н.П.* Куликов К.И. Мятеж в Ижевско-Воткинском районе. Ижевск, 1992. С. 8–9.
- ⁵² См.: *Сигов С.П.* Указ. соч. С. 175 – 176; ГАПО. Ф. 38. Оп. 3. Д. 1004. Л. 174–176.
- ⁵³ См.: *Захарова Е.Г.* *Фельдман В.В.* Изменение численности и состава рабочего класса Урала в 1921–1928 гг. // Рабочий класс Урала в период строительства социализма. Свердловск, 1982. С. 36.
- ⁵⁴ Подсч. по: *Сигов С.П.* Указ. соч. С. 175; ГАСО. Фр. 95. Оп. 1. Д. 1115. Л. 3.
- ⁵⁵ См.: *Трефилова Л.А.* Советские историки о связях горнозаводских рабочих Урала с землей С. 79. Данные обследования 1906 г.
- ⁵⁶ См.: *Дмитриев Н.П.* *Куликов К.И.* Мятеж в Ижевско-Воткинском районе. С. 10.
- ⁵⁷ См.: Там же.
- ⁵⁸ См.: *Хлопин Г.* Казенные заводы и рудники Урала в санитарно-врачебном отношении // Горный журнал. 1916. № 4 – 8.
- ⁵⁹ См.: Горный журнал, 1916. № 4 –5. С. 92.
- ⁶⁰ См.: *Дмитриев Н.П.* Динамика численности рабочих Ижевского и Воткинского заводов. С. 238, 240.
- ⁶¹ См.: Там же. С. 240; Рабочий класс Удмуртии, 1861–1986 гг. Ижевск, 1986. С. 19–20.
- ⁶² См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1572. Л. 78–79, 88; Горный журнал. 1916. № 4 –5. С. 96–106.
- ⁶³ См.: Рабочий класс Удмуртии, 1861–1986 гг. С. 19.

- ⁶⁴ См.: *Гаврилов Д.В.* О жилищных условиях уральских рабочих в конце XIX–начале XX вв. // Социально-экономическое и правовое положение рабочих Урала в период капитализма. 1861–1917 гг. Свердловск, 1990. С. 53.
- ⁶⁵ См.: ГАСО. Фр. 95. Оп. 1. Д. 1115. Л. 9.
- ⁶⁶ См.: *Гаврилов Д.В.* Указ. соч. С. 53; ГАСО. Фр. 95. Оп. 1. Д. 1115. Л. 2.
- ⁶⁷ См. протоколы I съезда окружных инженеров Урала (апрель 1914 г.) – ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 3186. Л. 21–23.
- ⁶⁸ См.: *Крупянская В.Я. Полищук Н.С.* Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX – начало XX вв.) С. 89.
- ⁶⁹ Подсч. по: Горный журнал. 1916. № 7–8. С. 130.
- ⁷⁰ См.: *Алферова Е.Ю.* Состояние здоровья и медицинское обслуживание рабочих Урала в начале XX в. Социально-экономическое и правовое положение рабочих Урала в период капитализма. 1861–1917 гг. С. 60.
- ⁷¹ См.: Население России и СССР: новые источники и методы исследований. Екатеринбург, 1993. С. 21.
- ⁷² См.: Горный журнал. 1916. № 7–8. С. 117, 139.
- ⁷³ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. Д. 976. Л. 4–17, 21–24; 80–85.
- ⁷⁴ См.: Горный журнал, 1916. № 4–5. С. 110–113; № 6. С. 179–181. Вместе с тем и в поселках казенных заводов, за исключением Воткинского, отсутствовали водопроводы.
- ⁷⁵ См.: Данные о продолжительности и распределении рабочего дня промышленных предприятий, подчиненных надзору фабричной и горной инспекции за 1913 г. СПб., 1914.
- ⁷⁶ См.: *Кириянов Ю.И.* Указ. соч.. С. 47, 56–57.
- ⁷⁷ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1572. Л. 36–95.
- ⁷⁸ См.: Положение труда на Урале в 1923 г. С. 50.
- ⁷⁹ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1572. Л. 36–95.
- ⁸⁰ См.: *Степанов П.* Наделение землей горнозаводского населения на Урале. С. 63.
- ⁸¹ См.: *Семенов К.С.* Лесное хозяйство Урала. С. 50–51.
- ⁸² См.: *Крузе Э.Э.* Положение рабочего класса России в 1900–1914 гг. Л., 1976. С. 13, 219.
- ⁸³ См.: *Сизов С.П.* Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. С. 224.
- ⁸⁴ См.: *Шишкарева И.Ф.* Материалы о численности, составе и положении рабочих кадров Камско-Воткинского казенного завода в начале XX в. // Из истории заводов и фабрик: Сб. статей. Вып. 2. Свердловск, 1963. С. 153.
- ⁸⁵ Подсч. по: Там же; см. также: *Крузе Э.Э.* Положение рабочего класса России в 1900–1914 гг. С. 218.
- ⁸⁶ См.: *Гуськова Т.К.* Облик рабочих Урала. С. 309.
- ⁸⁷ См.: *Крупянская В.Ю.* Эволюция семейно-бытового уклада рабочих. С. 282; *Гуськова Т.К.* Облик рабочих Урала. С. 297.